

Верховному Прокурору СССР

з/к Доктора Географических Наук Николая
Ивановича Евгенова (г. Верхняя Тавда Свердловской
области, VI-е Отделение Севураллага, пос.
Мостовка)

Жалоба

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 23/ХІІ 1939 г. № 46 я был приговорен к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на 8 лет за «участие в антисоветской организации». Категорически утверждаю, что я не только не состоял ни в какой-либо антисоветской организации, но что и в учреждении, где я работал, никакой антисоветской организации не существовало. Считаю, что заглазное мое осуждение, по всем данным, связано с неверными выводами следователя, поведшими во время рассмотрения моего дела к роковой для меня ошибке.

Не зная, что конкретно инкриминировалось мне при вынесении столь сурового приговора, учитывая, что в моем деле, представленном в Особое Совещание, наибольшую по объему его часть занимали как мои ложные показания, так и клеветнические высказывания других арестованных лиц, относящиеся почти все к эпохе 1938 года, я, в приводимых ниже кратких разъяснениях, вынужден коснуться и пунктов первоначального своего обвинения, хотя они в большинстве своем могли давно уже отпасть.

Я был арестован 27-го мая 1938 г. в Ленинграде по обвинению по п.п. 1А, 7, 9, 11 ст. 58 УК. По ходу следствия можно было установить, что по п. 1А – «измена родине» мне видимо инкриминировался «шпионаж военного характера»; по п. 7 и 11 – вредительство на Сев. Морском Пути, производившееся якобы группой работников Гидрографического Управления Главсевморпути, одним из организаторов которой я являлся; в задачи «группы» входили и «диверсии» в случае войны СССР с капиталистическими государствами – п. 9 обвинения.

Все это – являвшееся сплошным вымыслом, было мною подтверждено в ложных собственноручных показаниях, в протоколах и на большинстве очных ставок следствия. В них я под влиянием неоднократных тяжелых для меня физических, а затем моральных воздействий антисоветского характера (сильные побои, продолжительный стойки с задержкой выдачи пищи, угрозы с непрерывной руганью и т. п.), примененных ко мне следователя II-го (Водного) отдела УГБ УНКВД ЛО ст. лейт-ми Стамуром и Федоровым (пом. нач. отдела и Нач. отделения) и др., оговорил и себя и ряд других лиц. Об этом все я подробнее изложил в своей жалобе на имя Наркома В.Д. СССР

от 4/II с. г.

Следствие было сперва окончено 23/IX 1938 г., затем продолжалось и вторично было закончено 11/II 1939 г. для направления материалов в Воен. Коллегию Верхов. Суда СССР. Однако окончательно дело пошло в военный трибунал Лен. В. Округа.

Материалами по делу, представлявшимися в суд, являлись:

По шпионажу: 1) Показания арестованных А. А. Попова (б. глав, инженера Дорожного Управления НКВД Л.О.) и А. Е. Ножина (б. работника Гидрограф. Управления Главсевморпути), данные ими в апреле 1938 г. и послужившие, как я узнал из дела при окончании следствия, главным основанием для моего ареста.

2) Мои показания, как собственноручные, так и помещенные в протоколе следствия от 31/VII 1938 г. и подтвержденные в показаниях пом. прокурора ЛВО Воен. юристу 1 р. Федорову, относящихся к концу августа того же года.

Данные материалы должен охарактеризовать следующим образом: 1) Показания Попова и Ножина о том, что второй получал от меня военно-шпионские сведения и передавал первому – клеветнические и, я уверен, были получены от допрашивавшихся путем применения методов физического воздействия. На очной ставке с А.Е. Ножиным в начале августа 1938 г., на которой мы друг на друга клеветали по вопросу о существовании мифической к.-р. организации в Гидрограф. Управлении Главсевморпути, Ножин знаками показал мне, что он вынужден показывать ложь и что он на суде выявит правду. А. А. Попова я не знал и о нем ранее даже не слышал. Во время следствия меня ни разу не допрашивали по названным неизвестным мне показаниям Попова и Ножина. Следствие не было заинтересовано в получении подтверждения их мною, очевидно зная, что это – вымысел.

2) Собственноручные показания писались мною по тезисам в продиктованном мне следователем ст. лейт. Стамуром (после продолжительной и жестокой моей «обработки» в начале июня 1938 г.) заявлении от моего имени на имя следователя «о сознании в моих преступлениях». Отмечу, что перечень передававшихся якобы мною материалов в английскую разведку, приведенный в заявлении, совпадает с перечнем якобы передававшихся через Ножина мною Попову сведений для германской разведки, что свидетельствует об одинаковом авторском происхождении указанных перечней, исходивших не от меня.

Будучи терроризирован, я старался писать более или менее правдоподобные, хотя и полностью вымышленные показания, включая в них дополнения по указанию следователя (напр, «пароли» при «встречах с иностранной агентурой», указания об оплате за передававшееся и т. п.). Где мог, я старался все же внести в показания

несообразности, указывая напр., что за несколько лет «работы» я получил 150 англ. фунтов гонорара, тогда как будучи н-ком Карской экспедиции я получал в месяц почти столько же – 110 фунтов. Отмечу, что следствие не опросило никого из клеветнически оговоренных мною (под давлением) лиц, как подсобников в данных преступлениях (часть из них была по моим предположениям арестована еще до меня, другие были покойниками -Исаев, Богданов). Если сравнить эти собственноручные показания с теми же по шпионажу, включенными в протокол от 31/VII 1938 г., составленный ст. лейт. Стамуром, то заметна фактическая разница с ними в ряде пунктов, подписанных мною в протоколе данных, – результат уже углубления и расширения Стамуром моей лжи, проведенных к тому же небрежно. Он, напр., указывает, что я был завербован в шпионы своим п-ком по Карской экспедиции кап. Ринстиным в Лондоне в 1929 г., тогда как тогда в Лондоне я и не был и в показаниях об этом не говорил. Укажу, что 30/VI 1938 г. мною было подано заявление на имя Н-ка Управления НКВД Литвина о том, что все данные мною собственноручные показания по шпионажу и другим разделам следствия абсолютно ложны, что я оговорил себя и ряд других лиц. В конце Июля Стамур вынудил меня подписать по своему черновику Н-ку Управления покаянный отказ от названного заявления, который был затем помещен в дело. Первое же мое заявление Литвину в деле отсутствует, как «утраченное». Пытался я также отрицать все свои ложные показания в том числе и по шпионажу при допросе меня пом. воен. прокурора Федоровым (см. выше), сообщил ему, почему я вынужден был их дать, но после его одобрения приемов, применявшихся следователями, я, опасаясь репрессий со стороны последних (допрос велся при ст. лейт. Стамуре) и не найдя защиты у представителя прокуратуры, – подтвердил свои прежние ложные показания.

Но в итоге, кроме этих словесных вымышленных показаний как моих, так и Попова с Ножиным, которые, как можно убедиться из сказанного, не заслуживают доверия, другого ничего следствие, естественно представить не могло. Поэтому материал для обвинения меня в шпионаже являлся совершенно негодным.

По антисоветской организации, которая была связана с вредительством и диверсией, материалами следствия являлись:

- 1) Мои собственноручные показания и выжимка из них в протоколе.
- 2) Клеветнические показания друг на друга обвиняемых в участии в к.-р. организации в Гидрографическом Управлении нескольких руководящих работников последнего, как в личных показаниях, так и в протоколах допроса и очных ставок.
- 3) Акт экспертной комиссии, обследовавшей по заданиям следствия положение дел в Гидрографическом Управлении, его деятельность по различным отраслям.

По этому разделу должен указать на следующее:

1) Мои собственноручные показания можно разделить на две части: часть автобиографическую и часть, относящуюся к моим якобы конкретным преступлениям. Так как автобиографические показания (видимо они не все включены в дело) должны были по замыслу следователя создать тот своего рода фон, который должен был бы всячески способствовать к созданию правдоподобия возможности совершения мною тяжелых государственных преступлений, то допрос на получение этих показаний велся с пристрастием в необычайно тяжелой для меня обстановке с применением мер грубого физического воздействия. В написанных мною автобиографических показаниях много лжи помимо неверного освещения фактов. Некоторое из показанного в дальнейшем ложном преломлении следователя Стамура было включено им в протокол от 31/VII 38 г., где напр, говорилось абсолютная ложь об участии меня в карательных отрядах Колчака и вербовке мною б. офицеров в США для отправки в белые армии.

Мои собственноручные показания, относящиеся к якобы совершенным мною конкретным преступлениям, в коих говорилось о моем «завербовании» моим пом. по Карск. экспедиции кап. дальн. пл. Муналовым в заграничную к.-р. организацию (РОВС и РОНД), о моем участии в организации вредительской группы в Гидрографическом Управлении ГУСМП, о деятельности последней, – являются полным вымыслом. Основанием для всей этой злостной фантазии послужили тезисы моего заявления следователю Стамуру, от начала Июня 1938 г., им продиктованному (см. выше).

Показания по вредительству в Гидрографическом Управлении ГУСМП измышлялись мною в значительной степени на базе известных мне некоторых неполадок в работе Управления, которые я сгущал и выставлял как вредительство. Эти показания на настоянию следователя подверглись ряду изменений, пока его не удовлетворили. В протоколе следствия от 31/VII 1938 г., в коем упоминается о вредительстве, следователем Стамуром включены указания, что оно производилось по заданиям английской разведки (сколько помню), а также директивам последней о производстве диверсий в случае войны. Это очевидная и сплошная ложь.

2) Клеветнические показания арестованных друг на друга, как в протоколах их личных показаний, так и в протоколах очных ставок, являлись вынужденными. Протоколы ставок, в которые входили показания участников, заготавливались заранее. Мне в разное время были даны очные ставки с п/с п/с Орловским, Хмызниковым, Гернетом, Ю. Петровым, Ножиным, Клабе, Николаевым (все б. работники ГУ.). На ставке с первым я категорически отрицал всю его ложь, но после угроз следов.

Стамура, для меня реальных, стал на следующих ставках подтверждать всю ту фантазию, которая на них высказывалась. В дальнейшем, на суде Орловский, Хмызников, Гернет и Ю. Петров указали, что их показания об участии и вредительстве, данные на следствии -сплошная ложь. Ножин, на суде с нами не бывший, на очной ставке знаками показывал мне, что его показания вынуждены, что он на суде их опровергнет. Что же касается до п/с Клабе и Николаева, показывавших на меня, что я их завербовал, то факт их освобождения в 1939 г. свидетельствует, что затем они от своих ложных показаний отказались.

Остаются еще показания арестованных: А. А. Попова (см. выше), который якобы слышал от Ножина о существовании в Гидрограф. Управлении вредительской организации; сколько помню, проф. Г. С. Максимова примерно о том же, и, наконец, Р. Л. Самойловича, приложенные к делу уже после суда (на доследовании), – об к.-р. организации в Гидр. Управлении (все эти показания были даны в 1938 г.). Из них показания Попова (как я уверен) ложны и вынуждены, как и Ножина. Максимов от показаний отказался в 1939 г. и выпущен, сколько слышал, на свободу. Самойлович подал кассационную жалобу в Верх, суд с отрицанием своих прежних показаний. Перед судом я просил предтрибунала о вызове А. А. Попова и Ножина свидетелями на заседание суда, но в этом мне было отказано, а затем уже на доследовании ходатайствовал о даче мне с ними и с Самойловичем (в конце августа 1939 г.) очной ставки. Этого не было сделано в силу чисто формальных соображений. Не знаю, были ли сняты с них новые показания по вопросу о вредительской организации в Г. Управлении, которые должны были быть иными, чем показания данные в обстановке 1938 года (об этом я просил, в случае если очные ставки не смогут быть предоставлены). Из сказанного видно, что так называемые свидетельские показания о наличии в Гидрограф. Управлении антисоветской организации вредительского характера, данные всеми арестованными – в 1938 г., – или полностью отпали или являются совершенно ненадежными даже формально.

3) Акт экспертизы, составленный комиссией экспертов в июне 1938 г. о деятельности Гидрографического Управления за несколько последних лет, -хотя и содержит в себе много так называемого фактического материала, – является документом явно тенденциозным, неправильным и местами прямо лживым. В нем в заключении эксперты приходили к выводу о существовании, видимо, в Управлении группы вредителей. Вывод этот весьма смелый, мягко выражаясь, стал для меня понятным уже на доследовании (см. ниже). На следствии акт мне был только зачитан, дать мне написать развернутые объяснения по нему следствие отказалось и предложило

только подписать заранее уже заготовленный и подписанный ст. лейт. Федоровым протокол, в коем я признавал вредительство. Будучи подавлен бывшими незадолго перед этим репрессиями, я подписал его.

14/15 Июня 1939 года группа из Орловского, меня, Хмызникова, Гернета и Ю. Петрова судилась Воен. Трибуналом Л ВО. Большую часть времени судебного заседания суд уделил рассмотрению акта экспертной комиссии. Выводы акта и объяснения присутствовавших на суде большинства экспертов были поколеблены и разбиты. При этом выяснилось, что кроме штурмана Гинсбурга, совершившего один полярный рейс, никто из экспертов в Арктике не был и поэтому не знаком с полярной обстановкой, ее спецификой. Отмечу, что на суде мы все подсудимые заявили о лживости наших показаний на следствии.

В своем определении Трибунал Лен. округа определил, что материалы по обвинению нас в шпионаже недостаточны, что обвинение во вредительстве не доказано. Поэтому Трибунал направил дело на доследование в Военную Прокуратуру, обусловив доследование назначением новой авторитетной комиссии экспертов с привлечением виднейших полярников, вызовом свидетелей (об этом я просил Трибунал до суда и на последнем), получением отзыва о нашей работе, как старого, так и нового руководства Главсевморпути. Однако ничего в этом направлении сделано не было. Все доследование, касавшееся лично меня, выразилось в 1½ часовом допросе следователем следственной части УГБ УНКВД ЛО в конце августа 1939 г., на котором было запротоколировано мое отрицание вредительской деятельности в Г.У. При неожиданно быстром окончании доследования я просил дать мне возможность написать подробно о себе и своей работе в Управлении, из чего истина только бы выиграла, но в этом мне было отказано. При окончании дело в основном осталось заполненным ложными и тенденциозными материалами предварительного следствия 1938 года. Отмечу только приложенные показания допрошенных в августе 1939 г. экспертов 1938-го года. Они показали, что обследование производилось ими не объективно, под давлением, а выводы были «прокорректированы» пом. нач. отдела следователем Стамуром. Из этого многое в акте стало понятным; тем не менее акт экспертизы 1938 г. вопреки постановлению суда остался приложенным к делу.

В материалы доследования включены показания Р. Л. Самойловича, относящиеся почти все к 1938 г. В них уделено не мало места якобы к.р. деятельности б. Н-ка Главсевморпути, ныне вице-президента Академии Наук СССР О. Ю. Шмидта и в одном месте говорится о к.р. группе, состоявшей из О. Ю. Шмидта, Самойловича, Орловского, меня и Хмызникова (челюскинца, также получившего 8 лет по Ос. Совещ.).

Из этого видно, какая цена вообще показаниям Самойловича... Видно, что за неимением ничего нового, что меня могло бы очернить, помимо ложных материалов 1938 года, следователь вынужден был к последним добавлять подобное. В материалы по исследованию включена и краткая выдержка из моего дореволюционного послужного списка, в котором напр, подчеркнуто получение мною медали в память 300-летия Дома Романовых, которую в то время получили все офицеры и чиновники. Характерно... О шпионаже я даже не допрашивался.

При окончании исследования, следователь заверил меня, что дело пойдет к прокурору, а в дальнейшем, по положению, вновь в Трибунал Л ВО, однако оно было направлено в Особое Совещание. Законно ли это? Я дважды протестовал против подобного исследования в своих обращениях в Сентябре и Октябре 1939 года к Военному Прокурору ЛВО, а затем написал жалобу (еще до приговора) председателю Особого Совещания, но все – безрезультатно.

Меня осудили за «участие в антисоветской организации», этим как бы допуская существование вредительской группы в Гидрограф. Управлении Главсевморпути. Но ведь советский Военный Трибунал, несмотря на 2-х дневное внимательное разбирательство, не смог признать этого. Если в течении пяти лет было вредительство в работе, то неужели оно не было бы раскрыто хотя бы рядовыми специалистами своевременно. В акте экспертизы названы, сколько помню, фамилии 27 человек якобы причастных к «вредительству». Из них на суде было 5 человек, из арестованных по делу еще 3-х – два освобождены. Остальные же в большинстве или все или почти все – оставались на свободе, из них часть ответственных руководителей секторов. Не рискуя увеличивать и без того большого размера своей жалобы, я не касаюсь здесь рассмотрения нелепости версии о вредительстве с технической стороны. Об этом упомянуто в протоколе судебного заседания, хотя далеко не полностью. Но в случае необходимости я могу это сделать.

В своем докладе на XVIII съезде ВКП(б) И. Д. Папанин указал об очень большой работе, проделанной на севере полярниками между 17 и 18-м съездами. В ней гидрографы принимали немалое участие. Это можно доказать цифрами, документально. Как же это вяжется с заявлениями, что вся наша работа трассовая, – сплошное и неизменное вредительство?!

Я определенно считаю, что Особое Совещание осудило меня неправильно в силу тенденциозно и преступно подобранного материала следствия, который вероятно и был представлен на Совещание. Следователи, ведшие в 1938 году мое дело антисоветскими методами, видимо приложили к этому руки, выгораживая себя. Если бы

я был соответственно репрессирован, как подозрительный (по своему далекому прошлому) человек, несмотря на свою большую работу при Сов. власти, то это было бы еще понятно, но получение исключительно тяжелого наказания за несуществующее преступление связано с роковой ошибкой, с ошибочностью подхода к делу, подлежащими исправлению.

Я допускаю, что следствие выставило меня, частично на основе выбитых из меня же показаний, каким-то предателем, б. забубённым строевиком офицером, только и мечтавшим о возвращении господства старой военщины, любителем сборищ и попок, человеком, который не отдал силы и почти всю свою сознательную жизнь Сев. Морск. Пути, а только втирал очки и вредил. Не даром в начале дела помещены послужившие также основанием для моего ареста, краткие показания арестовывавшихся в 1931 году гидрографов Мессера П. В. И Исаева Н. Н., в которых они тогда вынужденно клеветнически показали на меня, первый об участии (совершенно нелепом) меня в организации для борьбы с Сов. властью, руководившейся б. Н-ком Гидрограф. Экспедиции Сев. Лед. Океана Вилькицким и его помощником Новопащенным, второй – об участии моем в к.р. сборищах. Тот факт, что в том же 1931 году и Мессер и Исаев были освобождены и восстановлены в своих прежних должностях в Гидрограф. Управлении УВМС РККА, что меня тогда не только не арестовали, но даже не вызывали для допроса, -показывает, что органы ОГПУ не верили в мою виновность, знали, что эти оговоры основаны на лжи. Теперь же следователи при допросе меня и не пытались выяснить, что я за человек и что я за работник. Первым документом, предъявленным мне следователем, было заявление моего покойного отца о приеме меня в Морской Корпус в 1902 году, в коем указано, что он дворян Петербургской губернии. Все это так, но в действительности отец мой старый педагог, жил на жалование и никаких поместий не имел.

В этом году исполняется 30 лет со времени совершения моего первого полярного плавания. С тех пор 20 полярных плаваний и экспедиций, из них некоторых ответственных и тяжелых, сопровождавших вынужденными зимовками, накопилось у меня за плечами. Семь лет подряд я руководил Морскими Карскими экспедициями, неуклонно поднимая их эффективность вверх, без единой крупной аварии, гибели или зимовки судов, а таковые в истории Карских экспедиций бывали. Я был первым начальником большой экспедиции из Владивостока морем в Колыму в 1932 г. Мною написано первое руководство (лоция) для плавания Карским морем еще в 1930 году; составлены на базе сверхплановой работы в 1921 г. – первые навигационные атласы Нижней Лены и ее дельты; опубликованы мои аэрологические наблюдения в полярной

зоне Сибири, являющиеся первыми там. Все мои печатные работы (их около 40 - книг и статей) появились в печати в советское время. Большинство их имеют прямое научно-практическое значение, но из-за ареста еще ряд работ остался незаконченным и опубликованным. Мне при свидании сообщила моя жена, что несколько профессоров в связи с ее заявлением в УНКВД ЛО дали ей прекрасные отзывы о моей работе, лица хорошо и много лет знающие меня. Из них имеются лица, имена которых знает широкая общественность Союза, как напр, академики А. Н. Крылов, Ю. М. Шокальский. Видимо мне не даром выносились не раз в приказах по Морским Силам РККА именная благодарность, то же – по наркомату Внешней Торговли СССР, выдавались премии, присуждена золотая медаль от Гос. Географического Общества и наконец состоялось награждение Почетной грамотой ЦИКа в 1934 году. Главсевморпутем был назван моим именем один из вновь выстроенных гидрографических ботов. Имя мое можно было найти и среди названий на географических картах; мне была присуждена ученая степень доктора географических наук.

Если я был ранее морским офицером – военным гидрографом (иных не было), участвовал в Гидрограф. Экспедиции Вилькицкого в 1913-15 годах, когда была открыта Северная земля и совершен первый исторический сквозной поход русских судов Сев. Морск. Путем с Востока на Запад, был в 1918-19 гг. в эмиграции в США, а затем пару месяцев служил в Гидрографическом Управлении в Омске при Сиб. правительстве Колчака, то этого я не скрывал, и это не помешало мне продуктивно и с энтузиазмом работать 18 лет подряд при Сов. власти до 1938 года, ни разу не быв за этот период арестован.

Я находился [затерто, неразборчиво] поставлен в хорошие материальные условия, ко мне Сов. власть относилась внимательно, гуманно, что я очень ценил. Я имел семью: детей – пионера и октябренька, жену – общественную работницу. Я был убежден, что приношу не малую пользу своей родине, что перед мною большая еще область работы по специальности. Мне не было оснований желать иного, быть двуручником.

На основании изложенного прошу вас об опротестовании приговора Особого Сопещения, отмене его и пересмотре моего дела. Я верю в советскую справедливость, верю, что я буду возвращен в семью свободных сов. работников и полностью реабилитирован. О Вашем решении прошу не отказать сообщить.

Н. И. Евгенов. В. Тавда Свердловской области.

Почтовый ящик № 239/6 27/III 40